

Савелова Любовь Анатольевна

ЖИЗНЕННЫЙ УКЛАД СЕВЕРНОЙ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ В ВЕРБАЛЬНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

В публикации рассматривается специфика объективации представлений о жизненном укладе северной русской деревни на тематическом уровне общения диалектоносителей. Источником языкового материала является речь жителей с. Нёнокса Архангельской области. Единицей анализа выступают высказывания, репрезентирующие уровень фактуальной информации. Автор определяет круг тематических доминант диалектной речи и показывает, что их вербальная реализация проявляет коллективный характер интенциональной составляющей традиционного сельского общения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 148-151. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. Наличие визуальной составляющей делает невозможной одну лишь акустическую реализацию подобных текстов при декламации, так как это не отразит их специфику и создаст трудности для их осмысления.

4. В текстах «конкретной поэзии» язык выходит на иной уровень, сближаясь с новыми, авангардными формами искусства.

Итак, тексты в стиле «конкретной поэзии» вовсе не предполагают конкретного, однозначного понимания. Они сложны и многогранны, с нечеткими границами, построены на взаимозависимости вербальных и невербальных компонентов и вызывают многочисленные ассоциации. Популяризация данного направления поэзии зависит от дальнейшего развития современных коммуникационных технологий, которые способствуют расширению возможностей человека в плане вербального и невербального выражения мысли.

Список литературы

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Архитектура-С, 1994. 392 с.
2. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994. 352 с.
3. Гик Ю. Л. Документация к выставке визуальной поэзии [Электронный ресурс] // Черновик. Смешанная техника. М., 2006. Вып. 21. URL: http://www.chernovik.org/main.php?nom=21=61=20&id_n=14&first=23 (дата обращения: 30.11.2013).
4. Евграфкина Е. Е. Тексты не для декламации: о конкретной и визуальной немецкоязычной поэзии [Электронный ресурс] // Цирк Олимп + TV: вестник современного искусства. 2012. № 4 (37). URL: <http://www.cirkolimp-tv.ru/articles/351/teksty-ne-dlya-deklamatsii-o-konkretnoi-i-vizualnoi-nemetskojazychnoi-poezii> (дата обращения: 05.04.2014).
5. Кудрявцева Т. В. Новейшая немецкая поэзия (1990-2000-е гг.): основные тенденции и художественные ориентиры. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 344 с.
6. Кулаков В. Г. Поэзия как факт: статьи о стихах. М.: НЛО, 1999. 400 с.
7. Herbst W. Ausgewählte Gedichte [Электронный ресурс] // Podium Reihe Porträt: Werner Herbst. URL: <http://www.podiumliteratur.at/preis/herbst.htm> (дата обращения: 02.06.2014).

TEXTS IN THE STYLE OF “CONCRETE POETRY”: “MEMENTOS” NOT TO BE RECITED (FROM THE INVESTIGATION EXPERIENCE)

Ryabova Marina Vadimovna, Ph. D. in Philology
Blagoveshchensk State Pedagogical University
marina-ryabova75@mail.ru

The article is devoted to investigating the specifics of German “concrete poetry” – unexplored and rather contradictive trend of the modern literature without a certain status, clear boundaries and standard functions. The poems in the style of “concrete poetry” do not assume unambiguous interpretation and are not supposed to be recited. The special attention is paid to the analysis of the results of the experiment conducted for the purpose of developing more detailed conception on the regularities of perception and interpretation of such texts by the readers.

Key words and phrases: visual poetry; “concrete poetry”; poem; text; context; linearity; interpretation.

УДК 81'282

Филологические науки

В публикации рассматривается специфика объективации представлений о жизненном укладе северной русской деревни на тематическом уровне общения диалектоносителей. Источником языкового материала является речь жителей с. Нёнокса Архангельской области. Единицей анализа выступают высказывания, репрезентирующие уровень фактуальной информации. Автор определяет круг тематических доминант диалектной речи и показывает, что их вербальная реализация проявляет коллективный характер интенциональной составляющей традиционного сельского общения.

Ключевые слова и фразы: русский язык; диалектный дискурс; северная деревня; диалектоноситель; фактуальная информация; тематическая доминанта.

Савелова Любовь Анатольевна, д. филол. н., доцент
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
savelova.lub@yandex.ru

ЖИЗНЕННЫЙ УКЛАД СЕВЕРНОЙ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ В ВЕРБАЛЬНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ[©]

В условиях современной социокультурной ситуации меняется характер соотношения между «сельским» и «городским» вариантами речевой коммуникации. Несмотря на разнообразие факторов, способствующих сближению этих форм общения, их противопоставление по-прежнему остается актуальным как для описания

социально-территориальной дифференциации русского языка, так и для характеристики языковой ситуации и социально-коммуникативной системы на уровне отдельно взятого лингворегiona и в масштабах государства.

Каждое поселение имеет свою историю, в большей или меньшей степени связанную с историей соседних населенных пунктов. Соответственно, событийный пласт жизни северных деревень структурируется на основе ряда общих компонентов, что отражается на вербальном уровне сельского общения.

В рамках данной статьи мы рассмотрим ключевые темы, формирующие фактуально-содержательный уровень общения носителей одного из говоров Архангельской области, представленного речью жителей с. Нёнокса. Это село согласно современному муниципальному делению относится к г. Северодвинску, но его история насчитывает более шести веков, поскольку первое датированное упоминание о русских населенных пунктах в Нёноксе содержится в Уставной грамоте Великого князя Василия Дмитриевича от 1397 г. [4, с. 261].

При сборе диалектного материала основными информантами выступали представители старших поколений. Даты их рождения приходятся на первые десятилетия XX в. По записям диалектной речи можно судить о том, что нашим собеседникам хорошо запомнились и годы собственной молодости и зрелости, и особенности жизненного уклада их родителей. Этот когнитивный опыт в полной мере сообразуется с тем, что писала Т. А. Бернштам о жизненном укладе сельских прихожан в России XIX – первой трети XX в.: он «строился на началах *обычая* и *порядка*, в каких терминах... обозначали религиозно-(сакрально)-профанную совокупность нужд, норм, способов и форм бытия» [1, с. 331].

Единицей анализа выступают фрагменты аутентичной записи диалектной речи – высказывания, репрезентирующие уровень фактуальной информации традиционного сельского общения. При проведении такого анализа неизбежны определенные сложности процедурно-технического плана, поскольку в распоряжении исследователя оказываются только отдельные «кусочки» спонтанной диалектной речи, которые лишь условно могут быть названы диалектными текстами. Они представляют собой своего рода индивидуальные, хронологические и ситуативные срезы диалектного дискурса [5, с. 154].

Тематический уровень общения носителей диалекта, в первую очередь тех, кто постоянно проживает в сельской местности, может быть представлен как система доминант, определяющих характер содержания этого общения. Сама эта система открыта и подвижна, поскольку обнаруживает зависимость как от модели обиходного общения, так и от ценностных установок коммуникантов. Однако при этом выявляется тематическое ядро, элементы которого составляют основу инвариантных структур когнитивного плана. Им принадлежит ведущая роль в организации диалектного дискурса, в формировании фактуального уровня традиционного сельского общения, отражающего событийный пласт крестьянской жизни. Как отмечает В. Е. Гольдин, «мир воспринимается носителями традиционной народно-речевой культуры, прежде всего, в форме событий с человеком в их центре; этим человеком обычно является сам повествователь; присущие диалектному повествованию событийность, образность, антропоцентричность и эгоцентричность определяют его специфическую целостность, и именно она, эта целостность, выступает ограничителем тематического фокуса дискурса и управляет составом и аспектами его содержания» [2, с. 6].

Примером одной из актуальных тем, обеспечивающих единство информационной базы жителей Нёноксы, может служить богоугодный образ жизни, который предполагает регулярное посещение церкви. Нёнокшане пожилого возраста (за редким исключением) стараются соблюдать установленный порядок, с большим уважением относятся к церковнослужителям. Однако из-за непонимания некоторых моментов, связанных с самочувствием людей, с бытовыми обстоятельствами, препятствующими частому посещению служб, между прихожанами может возникнуть личная неприязнь. Межличностный конфликт имеет речевую реализацию, что иллюстрирует следующий фрагмент записи диалектной речи: *а нынч'е л'убоф" м'ен'а софс'ем / груб'ийанка / ѡа с ногой-то бол'ела ак / а ты фс'о ишо н'е поправ'илас" / н'ет / ты оп'ад" забол'ела / когда пр'ид'ош ф церкоф" / ѡа говор'у н'е знайу / как самоч'уств'ие буд'ет / ну и подыхай же / дв'ер'ам'и хлопнула / ну и подыхай же* (Е. Г. Качкова, 1923 года рождения, запись сделана в 1997 г.). Жительница села, неоднократно «заочно» обращаясь к тем, кто упрекает ее в недостаточном уважении к церкви, говорит о своей обиде, о том, что она постоянно попадает в неприятные ситуации.

Общение диалектоносителей предполагает единство их фоновых знаний и информационной базы. В случаях общения с другими людьми, в частности с собирателями, не являющимися постоянными членами языкового коллектива, характер коммуникации претерпевает изменения. Немаловажным фактором, определяющим специфику содержания бесед, является возрастной разрыв между собирателем и информантом. Этим во многом объясняется желание диалектоносителей рассказать представителям других поколений о старом образе жизни, оценить его в сравнении с настоящим временем. Центральное место в разговоре занимают темы, связанные с жизнью человека, его физическим состоянием, эмоциональным и духовным миром, хозяйственной деятельностью и межличностными отношениями. Особое внимание в силу возраста уделяется теме здоровья, самочувствия: *ѡа фч'ера по т'ел'ев'изору смотр'ел / женщинына по волг'е / н'е сто л'и тр'инацет" л'ет / бабул'ушка / ну она по-руск'и / ѡа как говор'у / она так н'е говър'ит / там она ил'и удмуртка ил'и башк'ирка / и еш'о в'ед'от с'еб'а / там разговор'ивает и фс'о... кто гд'е вот / род'ил'ис" на с'ев'ер'е / а с'ев'ер ес" с'ев'ер / но... у нас вот одной бабы уже / д'ев'аносто два года / сто два было / та / котарѡа сконч'алас"... в этом году исполн'ѡеца тр'ом / бабул'ушкам д'ев'аносто л'ет* (А. Ф. Тячкин, 1925 года рождения, запись сделана в 2000 г.).

Кардинальными вехами жизненного пути человека являются его рождение, вступление в брак и смерть. Эти события в развитых традиционных обществах ритуально оформлены [1, с. 9]. Все они так или иначе

проявлены в автобиографических рассказах жителей села. Однако в свободном монологе (не ограниченном какой-либо узкой темой) информанты редко обращаются к описанию обрядовой стороны крещения новорожденных, свадьбы и погребения. Эти сведения, как правило, собираются в ходе прямого опроса: *р'ан''ше-то од'ев'ал''и шо ст'ар''ен''ко ост'ало''с''/р'ан''ше вот в'ен''ч'''ал''и''с'' дак сохр'ан'''ал''и б'ил'''и'б в'ен''ч'''ал'''но/ф кот'ором в'ен''ч'''ал''с''е дак ф том хорон''ил'''и* (Ф. М. Капитонова, 1918 года рождения, запись сделана в 1999 г.); *вот у нас / д'едушко наш ум''ор / ч'ужьих-то йа што буду / наш д'едушко / это давно / вот ум''ор / и фс''о / омывал''и тол''ко на соломе''е / надо соломы положыт'' / вот / ну оммойут / од'енут / и / на доск''и... [На поминках принято было пить?] а вот этово што-то н'е было / н'е было уш / штобы на пом''инках было в''ино н'ет / н'е помн''у / пускай можот у богатых-то так''их боват и / хот'' копал''иыкам-то / л'ибо как / а вот так н'е было в''ина* (А. И. Кологриева, 1913 года рождения, запись сделана в 1997 г.).

Рассказывая о себе без уточняющих вопросов, респонденты обычно обращают внимание на многочисленность членов семьи, на то, что к труду их приучали с детских лет, из-за бедности многие не могли долго учиться в школе; женщины обязательно вспоминают о замужестве, нередко связывая свой переход в другую семью с тяжелой долей, потому что приходилось заниматься хозяйством и воспитывать детей; все выполняли различные виды работ в колхозе, затем в совхозе: *так вот моя жыс''прошла / н'е красна / н'е так што с'еч''ас вот посмотр''иши / дак аж зав''идно / р'ан''ше н'е оддохн''ош / и ч'ас''ику н'е оддохнут'' / выходново н'е было н'икаково // иду з дойк''и / это од''д'ел''на дойка была... // а ол''вс'''ийа тоже пр''ишла со службы / мама на службы была ф церкви / а йа на работ''е / нам н'ич''ево в'ет''н'е давал''и / н'и выходных / н'ич''ево н'е давал''и / пр''ишла с работы / так ис'' хоч''у / р'ан''ше жытн''ик''и был''и из жыта / шкап открыла / хлоп / ел''е-ел''е доб''ежала / и ол''екс'''ийа род''ила* (Е. И. Яреньгина, 1919 года рождения, запись сделана в 1997 г.).

Диалектная речь облекается в форму различных жанров, наиболее значимыми в культуре сельского общения, по наблюдениям диалектологов, являются жанры воспоминания, бытового рассказа, автобиографического рассказа и различные виды диалогов [3, с. 85]. В диалектном дискурсе эти жанры взаимодействуют, часто сменяя друг друга, поэтому четких границ в практике общения указанные речевые формы могут не иметь.

Жанровое и тематическое разнообразие диалектной речи прослеживается как на уровне лингвокультурного сообщества в целом, так и на уровне идиолекта. Так, наблюдения над речью коренной жительницы Нёноксы А. И. Путиловой, 1916 года рождения (запись производилась в 1998-1999 гг.), показывают, в частности, что в беседах с собирателем реализованы все указанные выше жанры. Тематическая направленность ее речи в значительной мере определяется характером задававшихся вопросов, но не противоречит ее желанию рассказать об основных событиях своей жизни. В записях достаточно развернуто представлено шесть тем: 1) семейные отношения (ключевой момент – измена мужа); 2) работа в прачечной; 3) работа в детском саду; 4) домашнее хозяйство (изготовление одежды); 5) досуг и развлечения в молодости; 6) болезнь ног (и способы ее лечения).

Каждая из этих тем предопределяет отбор определенной лексики. Соответственно, тексты включают как лексику, четко не прикрепленную к теме разговора и встречающуюся на всем его протяжении, так и слова, характерные преимущественно для раскрытия той или иной темы. Закономерно преобладание общерусских слов, составляющих лексическую основу текста. Анализ указанных крупных тематических блоков в речи А. И. Путиловой показывает, что собственно диалектные лексемы представляют преимущественно две темы – «Домашнее хозяйство» и «Досуг и развлечения в молодости». Это не случайно, поскольку данные слова именуют предметы и явления, выходящие из активного употребления в условиях современной действительности (*каталка* – длинный деревянный валик для разглаживания белья', *цепахи* – приспособление для расчесывания льна с целью получения волокон', *кудель* – прочесанный лен или сбитая шерсть, предназначенные для прядения', *патичи* – грубые волокна льна, остающиеся после его обработки и используемые для изготовления ткани', *кружання* – праздничные хороводы', *отдох* – отдых', *праздновать* – не работать, отдыхать' и др.).

Диалектоносителем активно используется экспрессивная лексика и фразеология. Наибольшее количество экспрессивно окрашенных слов фиксируется при реализации темы «Семейные отношения» (*смахалась*, *проборцию дам*, *уволокла*, *удираться*, *завернуло*), так как это событие вызывает у информанта сильные переживания на протяжении всей жизни.

Взаимодействие общерусской и диалектной лексики, таким образом, в определенной степени обусловлено темой разговора. Употребление территориально отмеченной лексики характерно для тех случаев, когда речь идет о событиях далекого прошлого (происходивших на памяти одного поколения), о явлениях, неактуальных для других территорий, а также для оценочных высказываний.

Результаты целенаправленного анализа приводят к выводу о том, что диктумная «сетка» повседневных разговоров сельских жителей предопределяется темами, связанными с разными сторонами жизни человека, и прежде всего – имеющими практическую направленность. Соответственно, к основным темам, моделирующим диалектный дискурс и определяющим характер его развертывания, относятся темы трудной жизни, большой семьи, отношений в семье, тяжелого физического труда, сравнения прошлого и настоящего, внутреннего мира и эмоционального состояния человека, связи человека с природой, его взаимодействия с другими членами микросообщества и др. Речевая реализация данных тематических доминант в диалектном дискурсе проявляет коллективный характер интенциональной составляющей коммуникации, ее обусловленность социокультурными факторами, а также специфику ценностной составляющей ментальной сферы носителей диалекта, участников традиционного сельского общения.

Список литературы

1. Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт церкви в народном христианстве. СПб., 2000. 400 с.
2. Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика». 2009. Т. 9. Вып. 1. С. 3-7.
3. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Томского университета, 2000. 190 с.
4. Поморская энциклопедия: в 5-ти т. / гл. ред. В. Н. Булатов; сост. А. А. Куратов. Архангельск: Поморский государственный университет, 2001. Т. 1. История Архангельского Севера. 483 с.
5. Савелова Л. А. Тематические доминанты севернорусской диалектной речи в художественном представлении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. 1. С. 154-157.

WAY OF LIFE OF THE NORTH RUSSIAN VILLAGE IN A VERBAL REPRESENTATION

Savelova Lyubov' Anatol'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
savelova.lub@yandex.ru

In the article the specificity of objectification of the ideas about the way of life of the north Russian village at a thematic level of communication of dialect-bearers is considered. The speech of the people of the big village Nyonoksa of the Arkhangelsk region is a source of the linguistic material. The statements which represent the level of factual information are a unit of the analysis. The author identifies the range of thematic dominants of dialect speech and shows that their verbal realization has a collective nature of intentional component of traditional rural communication.

Key words and phrases: the Russian language; dialect discourse; north village; dialect-bearer; factual information; thematic dominant.

УДК 81'255.4

Филологические науки

В XVI веке Уильяма Тиндейла сожгли на костре за то, что он осуществлял клиентоориентированный перевод – делал текст Библии более понятным для простолюдина. Современным переводчикам костер не угрожает, но они переводят, используя настолько сложные конструкции, что простой потребитель перевода не понимает того, что переводят переводчики. Пришло время использовать опыт Уильяма Тиндейла, доказавшего, что если нужды простого потребителя перевода будут частью самого перевода, его качество возрастет.

Ключевые слова и фразы: Библия; возвышенный стиль; клиентоориентированный перевод; педантичный стиль; понятный перевод; потребитель перевода; Уильям Тиндейл.

Сахневич Сергей Владимирович, к. филол. н.

НИИ Языкознания РАН
crash68@yandex.ru

УИЛЬЯМ ТИНДЕЙЛ: НА КОСТЕР РАДИ ПОТРЕБИТЕЛЯ ПЕРЕВОДА ©

Уильям Тиндейл был одним из первых, кто успешно предпринял попытки клиентоориентированного перевода. Ценой этих попыток стала жизнь в изгнании [3, р. 6], в условиях постоянного преследования со стороны католического духовенства, официальный запрет его переводов, арест в Антверпене и последующее сожжение как еретика в Вилфорде [6, р. 68].

Являясь гуманистом и богословом, получившим образование в Оксфорде и Кембридже, воспитанным в духе Реформации и находившемся под впечатлением очевидных результатов влияния перевода Мартина Лютера на весь немецкий народ, Уильям Тиндейл осознал, что при помощи непонятного для простого народа перевода Библии католические священники скрывают от этого народа Слово Божье, заставляя его не замечать «...ни мерзости, ни идолопоклонства лицемерного самоправедного католического духовенства, которое пыталось скрыть и извратить смысл Писания...» [2, с. 46-50].

Утверждая, что любые изменения библейского текста при переводе априори являются неприемлемыми, и Библия должна оставаться на латинском языке, что вольный перевод Библии, да еще и на родном языке, делает простолюдинов еретиками и заставит их подняться против короля, католическое духовенство, в реальности, просто не было заинтересовано в том, чтобы простые люди знали слово божье, поскольку тогда было бы весьма проблематично держать простолюдинов в неведении и вносить в их головы «...сумятицу при помощи кафедральных языческих ритуалов и своих личных интерпретаций библейского текста...» [Там же].